

На основе полученных результатов составлена карта шумового загрязнения северного микрорайона города (рис.3).

Рис. 3. Карта шумового загрязнения северного микрорайона города Кинеля

Составленная карта может быть полезна жителям данного микрорайона, желающим иметь информацию об экологическом состоянии места их проживания.

Мы сравнили разные виды транспорта по шумовому загрязнению: легковой и грузовой автомобили, мотоцикл, железнодорожный транспорт.

Легковой автомобиль – 64, 68, 74 dB (средняя величина – 68dB).

Грузовой автомобиль – 76, 83, 87 dB (средняя величина – 82dB).

Мотоцикл – 85, 89, 92 dB (средняя величина – 88dB).

Жд транспорт – 65, 68, 70dB (средняя величина – 67dB).

Установлено, что в северном микрорайоне города Кинеля основным источником шумового загрязнения является транспорт. Наибольшее шумовое загрязнение дают мотоцикл и грузовой автомобиль. Наименьшее загрязнение от железнодорожного транспорта и легкового автомобиля. Шумовые загрязнения на железной дороге превышают норму только во время прохождения поезда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственная система санитарно-эпидемиологического нормирования Российской Федерации. Санитарные нормы (текст). СН 2.2.4/2.1.8.562-96 Режим доступа свободный: <http://www.ohranatruda.ru> Дата обращения: 15.09.2014.

2. Методические рекомендации по учету шумового загрязнения в составе территориальных комплексных схем охраны среды городов. Научно-исследовательский и проектный институт по разработке генеральных планов и проектов застройки городов «Ленниипградостроительства». Сост. Пестрякова С.В. Л.: Ленниипградостроительства, 1989. 45 с.

3. Модульная система экспериментов **Prolog**. Инструктивные материалы для обучающихся. М.: Современные Образовательные технологии. 2012. 86 с.

УДК 372.857

NOISE POLLUTION IN THE NORTHERN PART OF THE TOWN OF KINEL

© 2014

N. N. Plaksina, a teacher of Chemistry and Biology

O. I. Fisunova, a teacher of Geography

SBEI secondary school № 1, Kinel (Russia)

Abstract. The problems of noise pollution caused by the railway, noise level determination in different parts of the town, comparison of different means of transport as sources of noise pollution are considered.

Keywords: noise pollution; ecological card; module system of experiments.

УДК 940.2

ОПРЕДЕЛЕНИЕ АВТОРСТВА АНОНИМНЫХ МЕМУАРОВ

© 2014

А.И. Попов, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и методики обучения

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара (Россия)

С.Н. Хомченко, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Государственный Бородинский военно-исторический музей запоевник, Бородино (Россия)

Аннотация. Занимаясь проблемами военнопленных Великой армии Наполеона в России в 1812-1814 гг., авторы проанализировали как архивные источники, так и воспоминания пленников, каковых набралось около сотни. Среди них обнаружены и анонимные мемуары, автором которых историки считали А. Монтерваль. Но соавторы убедительно доказали, что на самом деле их написал совсем другой человек, капитан П. Ноказ.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г.; военнопленные наполеоновской армии; мемуары, как исторический источник.

Анализируя воспоминания военнослужащих Великой армии, участвовавших в походе на Россию в 1812 г., мы обнаружили анонимные мемуары под типичным для того времени «трехэтажным» названием: «Поездка французского офицера, пленённого в России, на границы этой империи с Азией...» [8]. Французские библиографы посчитали их автором графа А. де Монтерваля, либо шефа эскадрона, либо офицера 25-го полка линейной пехоты [1. 1067; 5. 272; 12. 516]. Но в списках офицеров 25-го полка у А. Мартиньена встречается лишь человек с фамилией

Монтерваль [4. 178-179], а в списках военнопленных, выявленных в различных российских архивах, офицера с такой фамилией вообще нет.

Некоторые библиографы идентифицировали фамилию автора как Микелли [7. 76]. Действительно, это имя часто встречается в мемуарах, но подобное утверждение является нелепостью, ибо Микелли был якобы польским уланским офицером и товарищем автора. Они расстались в Симбирске в ноябре 1812 г. Микелли писал автору письма сначала из города К. на реке Касинска, а затем из Астрахани [8. 33, 36, 55-56, 66-104, 110, 202].

Авторы обеих атрибуций исходили из того, будто бы мемуарист скрыл свою фамилию за буквой **М**. Между тем письма *к нему* начинаются со слов: «*A mon bon ami N... de M...*», «*A monsieur de N... de M...*», и подписаны Mikelly, так что фамилия автора мемуаров начинается с буквы **N**, а вовсе не с **М** [8. 55, 67, 69, 76, 90, 99].

Основной текст книги построен, как и многие аналогичные мемуары, по схеме: участие автора в боевых действиях, пленение, конвоирование к месту проведения плена, проживание и общение с местными жителями, освобождение и возвращение на родину. В тексте упоминаются реальные лица и события, подтверждаемые и другими источниками. Кроме того, в мемуары вставлены письма к автору от Микелли. Автор пишет, будто Микелли следовал с ним в одной партии пленных, но в Симбирске во время ночлега совершил побег. Впоследствии от него стали поступать письма, в которых нашлось место истории любви к дочери русского графа, коварному злодею, татарским разбойникам, мистическим явлениям и счастливому концу, что в совокупности представляет из себя отдельное, независимое от основного текста повествование. Анализируя данные воспоминания, мы пришли к выводу, что часть их, а именно *письма, как и сам Микелли, являются вымыслом автора мемуаров*. Такого пленного в Астраханской губернии не было, да и фамилия его не похожа на польскую.

Окончательно вопрос об авторстве был решён, когда мы внимательно прочли первые страницы анонимных воспоминаний. Мемуарист начал свой рассказ с того, что 1-я бригада лёгкой кавалерии генерала К. Пажоля с приданным ей 25-м полком линейной пехоты действовали отдельно, а 20 июля получили приказ вновь присоединиться к 1-му армейскому корпусу маршала Л.Н. Даву в Могилёве, куда они прибыли 24 июля.

«Бригада расположилась биваками позади города, пишет аноним, — как и двадцать пятый [полк]. Мы получили приказ составить авангард армии впереди этого города на берегу реки. Именно на эту позицию я был отослан со своей ротой, чтобы занять пост в Шклове. Я провёл день в написании двух писем, одного к моему отцу, другого к вам. Едва я закончил эти письма, как моя рота егерей, силою в семьдесят пять человек, и рота *девятого польского гусарского* [полка], силою в сорок шесть человек, получили приказ поступить под команду *подполковника Ж...*, чтобы направиться занять Шклов. Не найдя почтальона, чтобы вручить ему мои письма, я положил их в свою ташку ...

Следуя приказу генерала, мы оставили на дороге три поста для связи. Каждый пост был силою в пять человек, что сократило наше маленькое войско до ста человек. Наконец, в семь часов утра мы прибыли в город, который нашли занятым седьмым драгунским полком. Сначала я был весьма удивлён, увидев, что две роты были назначены охранять пост, который в течение трёх дней охранял [целый] полк.

Седьмой драгунский выступил днём. Подполковник Ж... сделал необходимые распоряжения для безопасности поста. Приказ генерала гласил, что мы должны противостоять любому войску, которое попытается переправиться через Днепр вплавь. Опросив местных жителей, я узнал, что Днепр проходим вброд напротив города на пространстве от восьми до девяти сотен туазов, что брод имеет два въезда, по одному из которых можно спуститься повзводно, по другому — поэскадронно. Это открытие сделало нашу позицию опасной. Следовало изменить распоряжения по безопасности, что и было сделано. Было условлено, что отряд останется на конях всю ночь, готовый к любому происшествию. Ночь прошла довольно спокойно.

Утром следующего дня мы осмотрели брод по всей его длине, и *полковник* взялся писать рапорт г. маршалу Даву. Я не знаю, было ли его написание лёгким, но я снова увидел его только через час. В два часа два человека с наблюдательного поста, переправившиеся через Днепр,

чтобы пограбить, были весьма тяжело ранены казаками в той части города, которая находилась на левом берегу. В это же время на берегу Днепра появились старшие неприятельские офицеры с немногочисленным эскортом. Поэтому я направился к тому месту, где производилась эта рекогносцировка; я приказал сделать несколько выстрелов из карабинов, и все они исчезли. Между тем было легко понять, что целью этой разведки было удостовериться в наших силах и [в наличии] брода.

Подполковник, предупреждённый о движениях неприятеля, также явился на берег реки и заметил, что два эскадрона плывут вдоль берега на нашем правом фланге. Он вернулся ко мне, чтобы дать мне приказ, разместить пост из тридцати человек под командой офицера в месте, которое он мне указал. В то же время я направил восемь человек и одного офицера, чтобы доставить письмо маршала Даву к генералу Груши. Мой старший вахмистр предложил мне переслать свой рапорт маршалу; после этого момента я более не видел начальника.

Я занялся формированием поста во главе с офицером и сам его разместил. Едва этот пост был установлен, как слышались несколько ружейных выстрелов. Я направился к атакованным аванпостам и увидел неприятеля, готовящегося к переправе через реку. Я помчался к своей роте и к роте гусар; я нашёл их готовыми, но не было начальника, чтобы отдать приказ. Даже почти непрерывный ружейный огонь не смог заставить подполковника выйти из своего кабинета, где он постоянно занимался своим рапортом.

Видя неприятеля вступающим в реку и будучи готовым, соединить свои посты, я быстро отправился с восемью людьми, чтобы, по меньшей мере, усилить пост у подвижного моста. В то же время я дал приказ своему лейтенанту поддерживать меня с одним взводом. Признаюсь, что если бы я был главным начальником, то вместо того, чтобы идти вперёд, я приказал бы начать отступление; но я не знал намерений г. Ж..., и посчитал за лучшее, чтобы приказ об отступлении исходил от него, а не от меня.

Прибыв к плавучему мосту, я нашёл, что противник переправился выше моих постов, и что все люди на моём правом фланге захвачены или перебиты. Атакованный с фронта казачьим майором, начальником экспедиции, я попытался ретироваться к посту, который я разместил в четверти часа [пути] отсюда. Дорога на Оршу была для меня уже отрезана, полковник приказал моей роте отступать, не заботясь о том, что творится позади.

Каково же было моё удивление, когда я нашёл пост, к которому я отступал, уже захваченным; с этого момента для меня всё было потеряно. Полковник, которого перестрелка, наконец, заставила выйти, дал приказ моему лейтенанту, который направлялся мне на помощь, отступить и следовать за движением первого взвода, который начал отходить первым.

Один с восемью людьми я был вынужден уступить двум сотням казаков, которые тотчас пронзили меня ударом пики. Я упал с лошади и был взят в плен так же, как шестьдесят человек и четверо офицеров, остальные были убиты или смогли спастись; неприятель потерял десять человек, *мой четвёртый офицер был тяжело ранен и ограблен казаками, но ему удалось спастись из их лап*.

Во время этого дела мы имели под рукой шестьсот человек, а смогли соединить только шестьдесят человек. Остальные наши люди, будучи рассеяны по наблюдательным постам, не получили приказа подполковника и стояли, вместо того, чтобы отступить перед противником, значительно превосходящим по численности; итак, это были две истинные причины нашего несчастья. Начальник эскадрона был обязан своим спасением только живости своего коня.

В семь часов вечера все раненные и пленные были соединены на левом берегу Днепра напротив Шклова. Неприятель, увидев прибытие бригады Жерара, пришёл в движение. Всего нас было пять офицеров: *Б...*, *лейтенант моей роты, Л...*, *также; Суменовский, польский инженерный офицер, которого злая судьба привела в Шклов во вре-*

моя моего дела; Домбровский, офицер 9-го гусарского. ... Ещё с нами было шестьдесят солдат и унтер-офицеров.

Конвой, сопровождавший нас, заставлял нас идти очень быстро, чтобы бригада Жерара не смогла отнять назад пленников, которые были в их руках. Почти все пленники были ранены; после часа движения нам потребовалось дать лошадей, так как мы не могли идти вперёд. Что касается меня, то, кроме удара пикой сквозь тело, я был ещё ранен в бедро и потому едва ещё держался на лошади. Тем не менее мы шли вплоть до полночи ...

На следующее утро я увидел адъютанта генерала Платова, державшего в своих руках два моих письма, найденные в моей ташке, как и мои карты. Он спросил меня, принадлежат ли мне эти бумаги. На мой утвердительный ответ, он сказал мне, что велит прочитать письма, и что если они не содержат ничего важного, они будут мне возвращены. Я попросил также записную книжку, совершенно бесполезную для генерала и очень важную для меня; он пообещал, что всё будет мне возвращено. ... На следующий день ... в полдень мы прибыли в Ляды, где нашли генерала Оленина, который принял нас очень хорошо, и мы отобедали у него ... Вечером мы направились в Красный, первый город в коренной России» [8. 2-11, 26-27].

Приведённый рассказ сразу же напомнил нам опубликованную недавно нашу статью об участии в русской кампании 2-го конно-егерского полка. Вот отрывки из неё. «Изнурённый беспрестанными поездками, ослабленный потерей десятка егерей и многих лошадей, полк получил несколько дней передышки в Якшицах на Березине. Ему было поручено обеспечить движение V-го корпуса Понятовского на Игумен, в то время как Даву пытался остановить неприятеля на Днепре. 23-го 2-й конно-егерский поспешно следовал к Могилёву».

25 июля Даву приказал Пажолю выслать в Шклов офицера с 200 кавалеристами (50 поляков, 150 французов). Он должен был разместиться там со 150 чел., оставив между Могилевым и Шкловом 4 отряда по 12 чел., чтобы передавать депешу от генерала Груши и поддерживать связь с войсками в Орше и Коханове. В Шклов были посланы два эскадрона под командой Жосслена, который должен был сменить там отряд шефа эскадрона 8-го гусарского полка Л.М. Фанно де Лаори. Перед уходом Лаори сообщил Жосслену точные сведения о расположении казаков, биваки которых виднелись на другом берегу реки, проходимой в брод во многих местах. «Полк освещал правый фланг 1-го корпуса. Он проезжал по всем направлениям этого плодородного региона, но жара изнуряла, а миссия была опасной. Шеф эскадрона Жосслен сообщил о своих потерях. Действительно, 28-го ему было поручено поднять до Шклова сторожевую заставу, поддержанную отрядом 8-го гусарского полка; он довольствовался размещением нескольких небольших постов и нагло расположился со своими войсками в небольшом соседнем местечке».

Казаки, заметив эту оплошность, ночью с 28 на 29 июля перешли Днепр, отбросили маленькие посты и ведетов и обрушились на город. Многие были взяты в плен, другие обратились в беспорядочное бегство. Офицеры тщетно пытались соединить беглецов, чтобы спасти попавших в плен. Затем казаки «бросились на деревню, где захватили врасплох спящую 5-ю роту. Капитан Ноказ, лейтенант Бопре, су-лейтенант Лаборье и сорок пять егерей были схвачены. Один егерь был убит. Лейтенант Дюшатель был поражён четырьмя ударами пик, но сумел ускользнуть».

По мнению Даву, это дело «было лишь дерзкой выходкой казаков, которые, как кажется, не имели никакого плана. Евреи, должно быть, дали знать казакам, что после ухода драгун в Шклове осталась лишь сотня французов. Наши люди потеряли голову и спасались в разных направлениях; некоторые из наших попали в плен». Атаман М.И. Платов сообщил генералу М.Б. Барклаю де Толли, что выслал команды «для поиска над непри-

ятелем». Одна из них, посланная к Шклову, «разбила там оно и прогнала его чрез реку Днепр за Шклов с чувствительным поражением, взяв в плен шесть офицеров и до ста человек рядовых». Это нападение совершил донской казачий полк подполковника И.Г. Мельникова 3-го, который захватил в плен 6 офицеров и 72 нижних чина. 18/30 июля генерал Е.И. Оленин 1-й сообщил Барклаю из м. Ляды «о принятии им пленных, взятых нашими казаками в Шклове» [13. 51-52; 15. 158-160].

Сравнение двух приведённых выше текстов говорит об идентичности описанного в них боевого столкновения и участвовавших в нём лиц, несмотря на то, что анонимный автор обозначил своего генерала и офицеров своего полка только первыми буквами их фамилий. Анонимный мемуарист упомянул ниже, что *офицер Б. из его роты два года провёл в плену в Испании*. В полковой истории сказано, что лейтенант Бопре был взят в плен при Байлене в 1808 г., но в 1810 г. бежал с понтона «Ля Кастилья». Аноним по старинке называет Жосслена «подполковником» (и ошибочно «полковником»), хотя после Революции это воинское звание было заменено в кавалерии на звание «шеф эскадрона».

Все названные офицеры упомянуты в одном русском списке военнопленных: «1. Петр Нокаст..., 11. Феликс Шамоновский (Felix Szymanowski), поручик-инженер польского корпуса, 12. Михаль Домбровский, 9-й польский уланский полк..., 16. Якуб Бомпра, 17. Францишк Ляборей», оба из 2-го конно-егерского полка [14. 234].

Аноним также пишет, что из Симбирска пленники «тронулись маршем под командой князя Жернышева, молодого русского офицера». С.Н. Хомченко установил, что в конце сентября 1812 г. прапорщик 12-го пехотного полка Московского ополчения князь С.И. Чанышев привел из Рязани в Тамбов партию пленных из 10 обер-офицеров, 182 нижних чинов и 3 дезертиров. В их числе находились «капитан Петр Накоз, поручики Феклик Шамоновский, Якуб Бопрэ, Францешк Лябарей, Михаль Домбровский, капитаны Марилль Лиль, Теодор Батулей, поручик Крысер Вилен, подпоручики Король Снегоцкий и Иоган Кашуц». 1 октября партия Чанышева выступила из Тамбова, а 4/16 ноября - из Симбирска в Оренбург [10. 172, 395; 11. 21-22, 25-26, 28-29]. Несмотря на некоторое искажение труднопроизносимой для иностранца фамилии «партионного начальника», ясно, что мемуарист находился именно в этой партии.

В истории 2-го конно-егерского полка, написанной Г. Рокуром, сказано, что Пьер Ноказ, Жак Бопрэ (Beaurgré) (род. 9.03.1765, деп. Арденны), Франсуа Лаборье (Labogie) (род. 14.11.1770, деп. Нижн. Шаранта) отбывали плен в Оренбургской губернии. Они вернулись на родину 14 февраля 1816 г. [6. 115, 122, 126]. Но Рокур почему-то упустил из виду проанализированные нами мемуары.

Другой мемуарист, су-лейтенант 36-го линейного полка О. де Белз, отбывавший плен в Оренбургской губернии, пишет, что 14 сентября 1814 г. он выехал из Уфы в одной повозке с *однополчанином, хирургом Ж.Б. Брюггеманом*. Они переправились через р. Суру возле Алатыря. «Здесь недавно, - вспоминал Белз, - переправлялась колонна французских военнопленных; спустя некоторое время мы присоединились к ней. Многие из наших товарищей завидовали нам. Уверенные, что мы их обгоним, они попросили составить список их имен, званий, полков и департаментов, в которых они родились с тем, чтобы при первой возможности мы опубликовали этот список в газетах в надежде, что он попадет на глаза их родственникам и успокоит их».

Издатель мемуаров Белз, его внук, сделал к этому абзацу следующее примечание: «В бумагах своего деда я обнаружил список, написанный карандашом на синеватой бумаге ... Я полагаю, что это и есть список, составленный на переправе через Суру. В этом списке представлены следующие фамилии.

г. де Ноказ (Nausaze), капитан 2-го полка конных

егерей, из деп. Канталь;

г. *Маршан де Лиле*, капитан 11-го гусарского полка, из деп. Индра-и-Луара;

г. *Лапотерье*, су-лейтенант 2-го полка конных егерей, из деп. Нижняя Шаранта;

г. Рюллан, су-лейтенант 11-го полка легкой пехоты, из деп. Нижняя Шаранта;

г. Гилло де Лапотерье, су-лейтенант 44-го линейного полка, из деп. Сарт;

г. *Бонре*, лейтенант 2-го полка конных егерей, из деп. Арденны;

г. Жан Камю де Пигероль, деп. По, из 3-го линейного полка;

г. барон *ван Критчмар*, лейтенант 2-го гусарского, из деп. Цуидерсес...».

Как видим, здесь названы капитан Ноказ и два офицера его роты. Данные о них полностью совпадают с теми, которые приведены в полковой истории. Кроме того, *выделенные курсивом офицеры* названы в упомянутом выше списке военнопленных под № 3, 4, 13, 16, 17. Ни тут, ни там нет никакого Монtravelя. Более того, о данной встрече упоминает и сам автор анонимных мемуаров: «2 октября, один *хирург из 36-го линейного* [полка], уезжая на почтовых в Ригу, любезно захватил одно из моих писем во Францию» [8. 199; 2. 178, 180-181; 9. 302]. Здесь, несомненно, речь идёт об упомянутом выше Брюгемане.

Анонимный автор допустил несколько ошибок, называя, например, 9-й польский полк гусарским, хотя на самом деле тот был уланским. Но в целом у нас не остаётся никаких сомнений в том, что автором этих воспоминаний был не кто иной, как Пьер Ноказ (Naucase), родившийся 9 марта 1778 г. в Париже и в 1812 г. являвшийся капитаном, командиром 5-й роты 2-го конно-егерского полка [6. 126; 3. 9].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Barbier A.A. Dictionnaire des ouvrages anonymes.

Paris, 1882. Т. 4.

2. Beulay H. Mémoires d'un grenadier de la Grande Armée: de la Beauce à l'Oural par la Bérézina et d'Oufa à Ouzouer-le-Doyen. Paris, 1907.

3. Dictionnaire de 2-e régiment de chasseurs à cheval. 1789-1815 // Société d'Etudes Historiques Révolutionnaires et Impériales. 2011.

4. Martinien A. Tableaux par corps et par batailles des officiers tués et blessés pendant les guerres de l'Empire. Paris, 1899.

5. Quérard. La France Littéraire. Т. 6.

6. Raucourt G. De Boulogne à Waterloo (1803-1815) avec le 2-e régiment de chasseurs à cheval. Paris, 1999.

7. Robel G., Robel H. Alieni de Russia. Rußlandberichte von den ältesten Zeiten... Bd. 3. Lieferung 3 (1811-1812) // Osteuropa-Institut München. Mitteilungen № 30 April 1999. № 561.

8. Voyage d'un officier français, prisonnier en Russie, sur les frontières de cette empire, du côtes de l'Asie. Observations intéressantes sur les moeurs, les usages et le caractère des habitants de la rive gauche du Wolga, près de la Mer caspienne. Paris, 1817. XII, 232 P.

9. Белё О. Воспоминания гренадера Великой армии // Военнопленные армии Наполеона в России: 1806-1814: Мемуары. Исследования. СПб., 2012.

10. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3673.

11. Государственный архив Тамбовской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 216.

12. История XIX в. Под ред. проф. Лависса и Рамбо. Т. II. М., 1938.

13. Попов А.И. 2-й конно-егерский полк в русском походе // Воин. 2004. № 17.

14. Российский государственный исторический архив. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 656.

15. Сапожников А.И. Войско Донское в Отечественной войне 1812 г. М.-СПб., 2012.

ATTRIBUTING AUTHORSHIP TO ANONYMOUS REMINISCENCES

© 2014

A.I. Popov, Doctor of Historical Sciences, professor of Department of General History and Teaching Methodology

Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara (Russia)

S.N. Хомченко, Candidate of Historical Sciences, senior research worker

State Borodino War and History Museum and Reserve, Borodino (Russia)

Abstract: The authors studied the issues of war prisoners of Napoleon's Grand Armée in Russia in 1812-1814 and analysed both archival documents and about 100 prisoners' recollections. The latter included anonymous reminiscences attributed to A. Montravel by historians. However, the authors proved that they were written by a different person, Captain P. Nokaz.

Keywords: Patriotic War of 1812; war prisoners of Napoleon's army; reminiscences as a historic document.